

Реформы налоговой системы России 2001–2005 гг.

Д. Е. Лапов

В настоящей статье рассмотрены наиболее значимые новеллы реформ налоговой системы России 2001–2005 годов. Их содержание позволяет утверждать, что за весь период функционирования современной налоговой системы России данные реформы больше всего повлияли на налоговое бремя домашних хозяйств. Изменилась сама парадигма налогообложения и квазиналогообложения доходов физических лиц, что должно было способствовать скорейшему восстановлению экономики России, однако на практике не оказало позитивного воздействия на национальную экономику и привело к неоднозначным социальным последствиям.

Ключевые слова: налог на доходы физических лиц, подоходный налог, регрессивный налог, ставка, налоговая система, прогрессивное налогообложение

1. Введение

Посткризисные времена требовали от Правительства Российской Федерации принятия кардинальных мер по улучшению инвестиционного климата в стране и повышению уровня деловой активности. В ответ на вызовы времени Правительство Российской Федерации создало новую парадигму дискриминационных мер налоговой политики. В качестве пруденциальной основы новой парадигмы послужили догмы сторонников теории предложения и австрийской экономической школы. Сторонники обоих направлений экономической теории призывают снизить налоговое бремя для наиболее экономически активного населения. По их мнению, наиболее активной частью населения являются представители наиболее обеспеченного класса. Следуя подобным рассуждениям, наиболее благоприятные налоговые условия необходимо предоставить именно этому социальному классу. В результате представители наиболее обеспеченного социального класса будут выводить из тени крупные доходы, больше сберегать и инвестировать. Но как свидетельствуют рассмотренные в настоящей статье статистические данные о посткризисной динамике состояния экономики России, применение на практике мер по финансовому стимулированию наиболее обеспеченных граждан не повлекло значительного роста деловой активности и выхода из «тени» крупных доходов [1].

2. Общее состояние экономической и финансовой системы России в периоды до и после перехода к новой парадигме налогообложения доходов физических лиц

В посткризисные 2000–2007 гг. экономика России практически полностью прошла завершающую стадию восстановления после кризиса 1998 г., которую можно охарактеризовать благоприятными для инвестирования условиями. В первую очередь это связано с глубиной предшествующего падения, так как падение уровня потребления вместе с тем не полностью демонтировало производственную базу и систему финансово-хозяйственных отношений. Так, в период с 2000–2007 гг. уровень использования производственных мощно-

стей вырос примерно на 15 % практически во всех отраслях экономики. Исключением является только экспортно-ориентированная отрасль добычи полезных ископаемых, в которой процент загруженности производственных мощностей был и так на высоком уровне в 70 % и, по всей видимости, не очень учитывал рост внутреннего спроса (см. рис. 1).

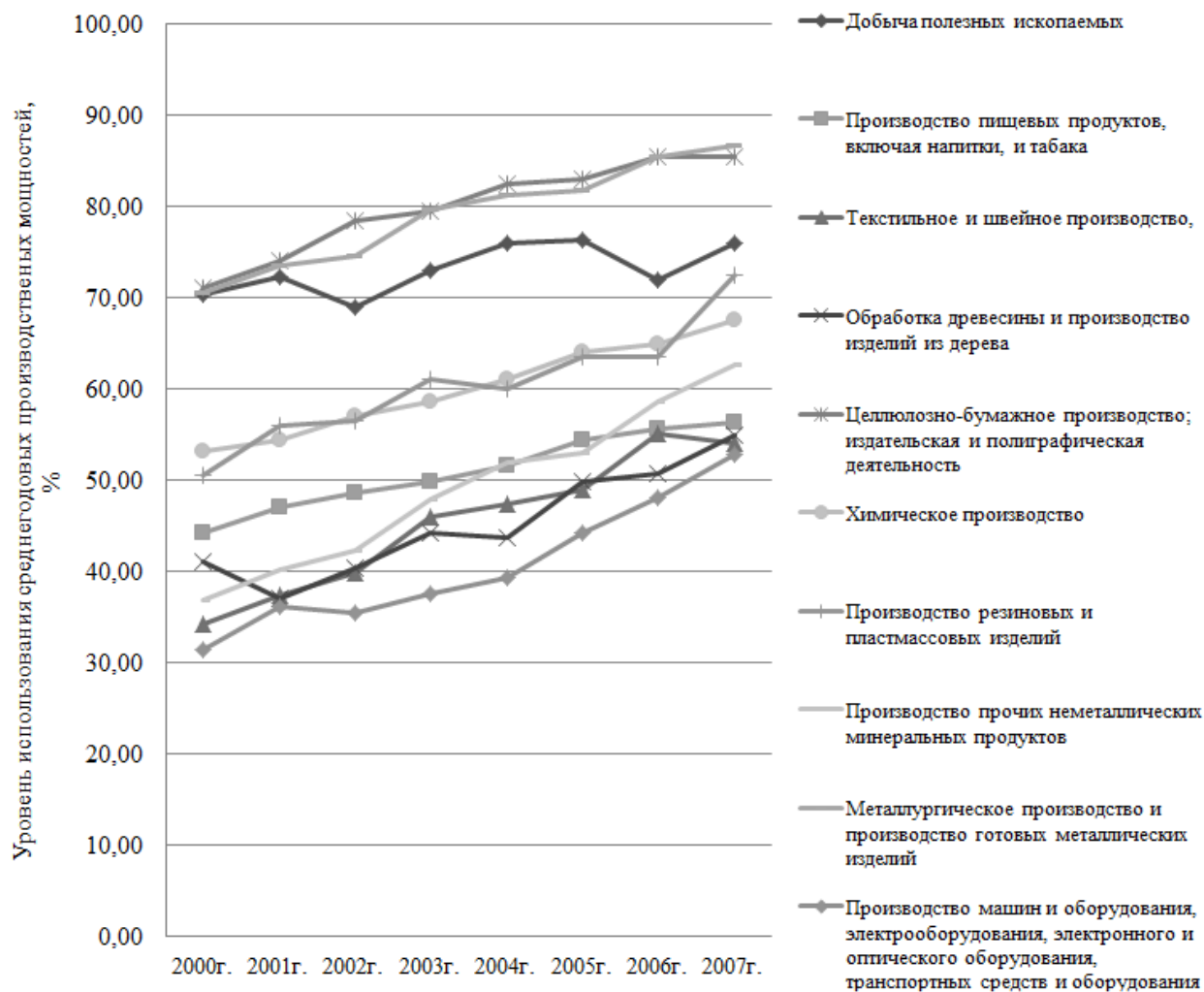

Рис. 1. Уровень использования среднегодовых производственных мощностей по видам деятельности в период 2000–2007 гг.

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Вторым фактором, который способствовал росту экономики России в 1999–2005 гг., является рост численности населения трудоспособного возраста (см. рис. 2).

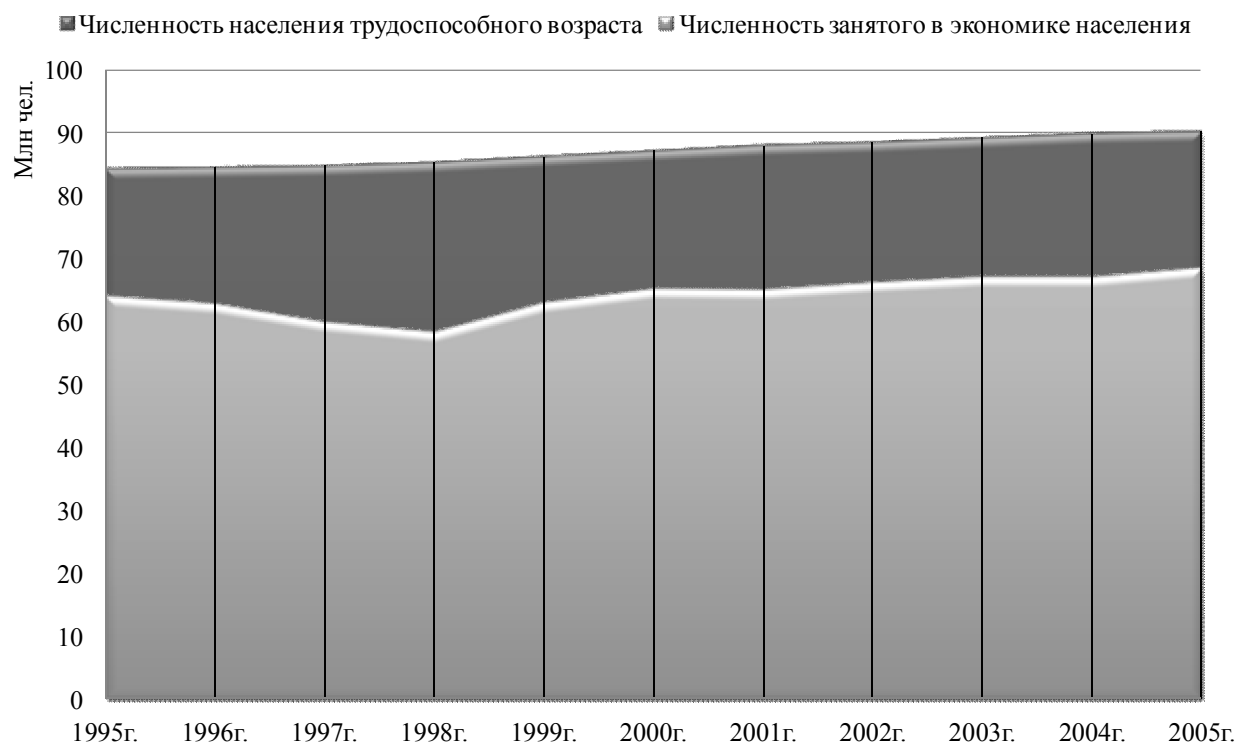

Рис. 2. Динамика численности населения трудоспособного возраста и количества занятых в экономике в 1995–2005 гг.

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Рост численности населения трудоспособного возраста продолжался до и после исследуемого периода 2001–2005 гг., что создавало для экономики необходимые трудовые ресурсы. В среднем за 1998 г. доля занятых в легальных отраслях экономики составила 68,47 % всего населения трудоспособного возраста. Таким образом, незадействованные в легальной экономике трудовые ресурсы можно было оценить в 26 миллионов 915 тысяч человек. Уровень средних процентных ставок по предоставляемым нефинансовым организациям кредитам сокращался на фоне снижения уровня инфляции (см. рис. 3).

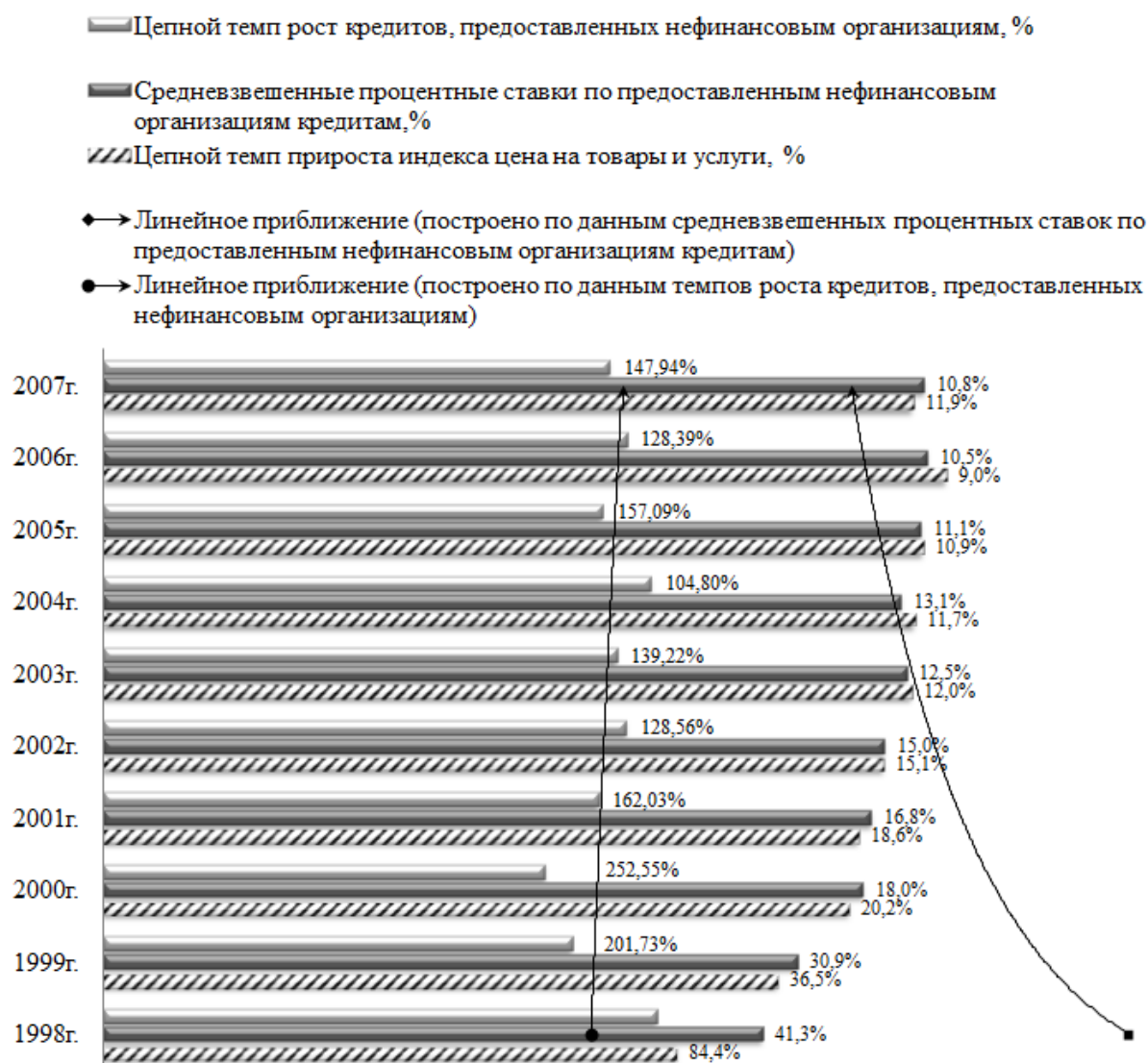

Рис. 3. Динамика основных показателей кредитно-финансовой системы России в 1998–2007 гг. (логарифмическая шкала)

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

При этом, как видно из рис. 3, до 2002 г. ставки по кредитам для нефинансовых организаций были существенно ниже уровня инфляции (индекса цен на товары и услуги). Таким образом, хотя и несущественно, но реальная кредитная ставка была меньше номинальной. После 2002 г. и вплоть до 2007 г. ставки по кредитам для нефинансовых организаций превышают темп роста индекса цен на товары и услуги. Таким образом, реальная процентная ставка по кредитам для нефинансовых организаций выросла и реальный сектор экономики потерял инфляционную премию. Однако как до 2002 г., так и после объем кредитования реального сектора экономики рос медленно. Наиболее вероятными причинами отсутствия спроса нефинансовых организаций на кредитные ресурсы могут являться постоянный пересмотр кредитной политики и отсутствие доверия к национальной экономике. Также рост объемов реализованной продукции, вероятно, снизил потребность в менее доступных кредитных ресурсах, тогда как несмотря на значительное снижение средневзвешенных процентных ставок по выданным нефинансовым организациям кредитам до 2000 г., их величина значительно превышала средний уровень рентабельности реализации продукции и вложений в производственные активы (см. рис. 4).

Рис. 4. Рентабельность активов и продукции в среднем по всем отраслям экономики России в 1998–2007 гг.

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Из рис. 4 видно, что паритет средневзвешенных процентных ставок по предоставленным нефинансовым организациям кредитам и рентабельности продаж достигается в 2000 г. и далее с 2004 г. При этом равновесие средневзвешенных процентных ставок по предоставленным нефинансовым организациям кредитам и рентабельности активов было достигнуто только с 2006 г. Поэтому можно сказать, что до 2004 г. в России отсутствовал адекватный кредитный рынок. За счет кредитных средств организации могли пополнить оборотные средства только на условиях постоянной процентной ставки и только в двух периодах в 2000 г. и с 2004 г., тогда как инвестирование кредитных средств в производственные активы стало рентабельным начиная с 2006 г. Таким образом, до 2006 г. финансовая система России была неадекватна потребностям экономики и являлась фактором сдерживания по отношению к экономическому росту. О неэффективности вложения кредитных средств в производственные активы свидетельствует также эндогенная структура источников финансирования основных производственных фондов (см. рис. 5).

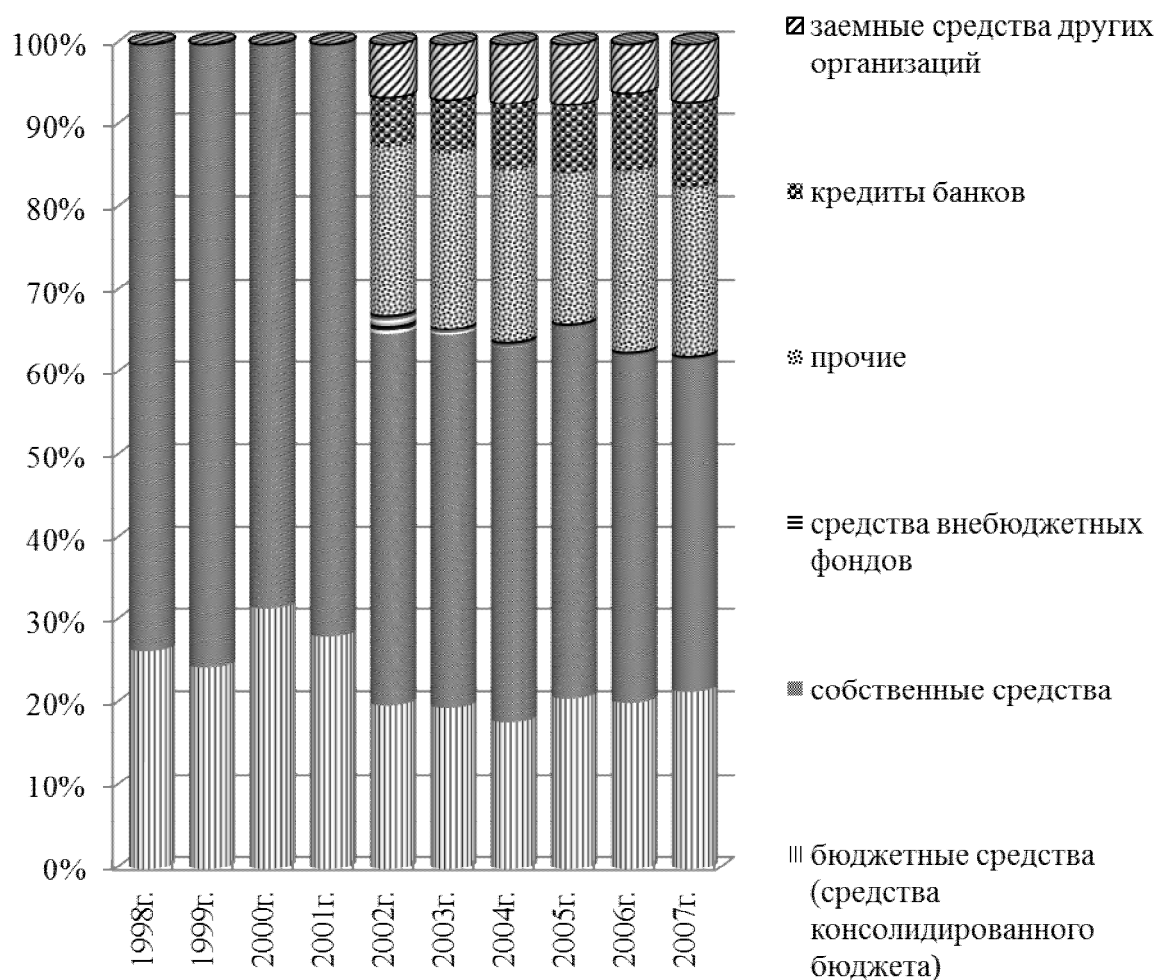

Рис. 5. Инвестиции в основные производственные фонды по источникам финансирования

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Как видно из рис. 5, в структуре источников финансирования приобретения основных производственных фондов кредитные средства появляются только в 2002 г. Однако участие кредитных организаций в общем объеме финансирования приобретения основных производственных фондов было несущественным. До 2004 г. общий объем займов внутри и между секторами реальной экономики превышал объем выданных нефинансовым организациям кредитных средств, тем не менее и далее займы от других нефинансовых организаций в значительной степени конкурируют с кредитами.

В период 1999–2000 гг. и в 2002–2003 гг. темп прироста инвестиций в основной капитал российских организаций значительно превышал рост числа организаций. Такая динамика позволяет сделать предположение, что наибольшая часть инвестиций направлялась в уже действующий бизнес (см. рис. 6).

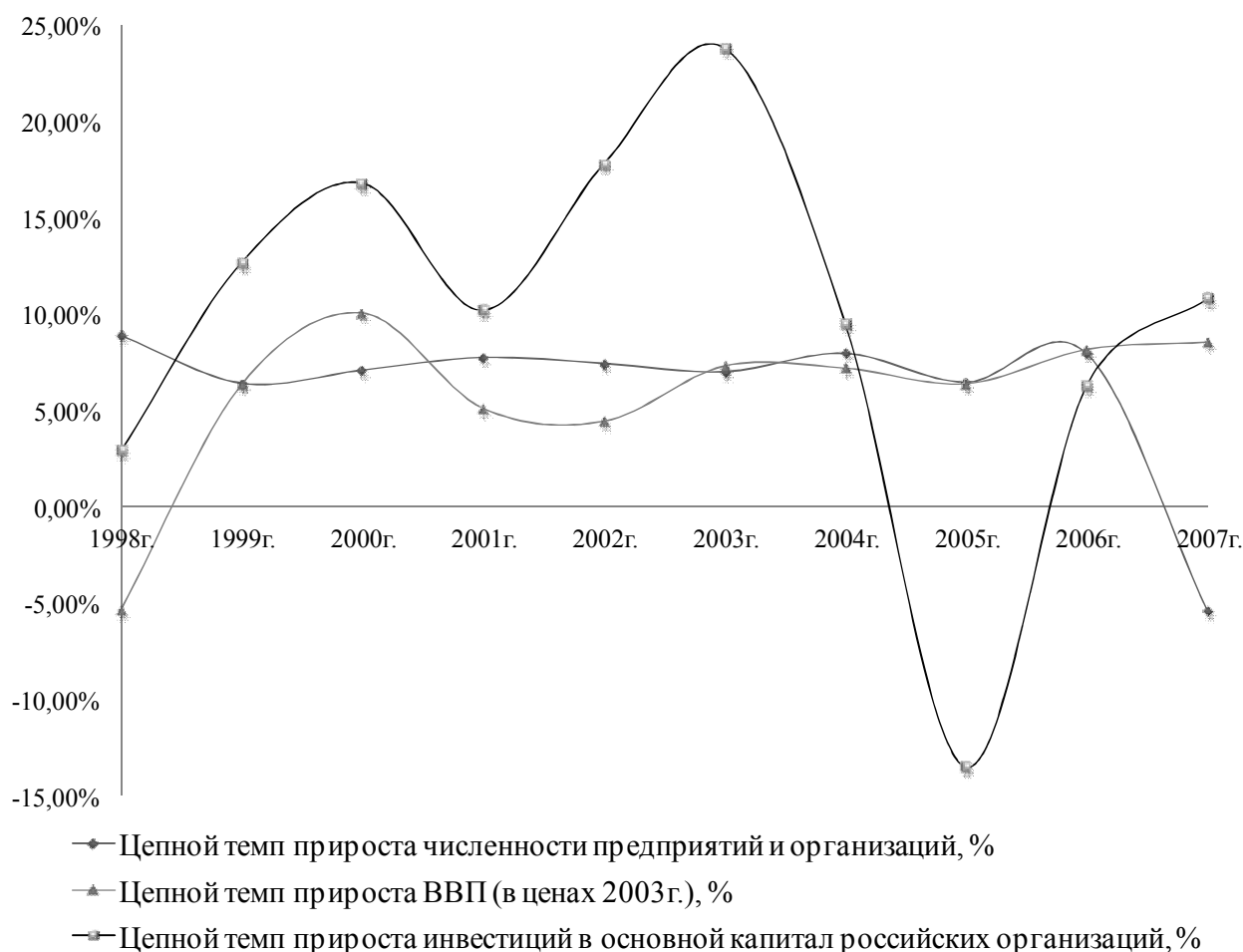

Рис. 6. Динамика некоторых показателей деловой активности

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Из рис. 6 видно, что наиболее высокие значения темпов прироста валового внутреннего продукта приходятся на 2000 и 2003 гг., а также на период после 2005 г. При этом пиковые значения прироста инвестиций в основные производственные фонды приходятся на 2000 г., 2003 г. и 2007 г. В итоге наиболее вероятно, что первая волна деловой активности 1999–2000 гг. была обусловлена стадией производственной экспансии. При этом в структуре источников финансирования инвестиций в основные производственные фонды значительный удельный вес занимают средства консолидированного бюджета (см. рис. 5). Государственное стимулирование частного сектора посредством инвестирования в приобретение основных производственных фондов могло вызвать мультипликативный эффект, который в полной мере позволяет объяснить быстрое восстановление экономики России в 1999 и 2000 гг. Вторая волна 2002–2003 гг. соответствует достижению низкого значения средневзвешенной ставки по выданным нефинансовым организациям кредитам в 12,5 %, однако в этот период не наблюдается значительного прироста объема выданных нефинансовым организациям кредитных средств. Уровень использования производственных мощностей и численность занятых в экономике возрастают практически монотонно. Уровень инфляции по-прежнему снижается. Таким образом, наиболее вероятно, что вторая волна деловой активности может быть связана с периодом реинвестиций в собственное производство и в некоторой степени с повышением доступности кредитных средств. Об этом же может свидетельствовать рост прочих источников финансирования приобретения основных производственных фондов. Третья волна деловой активности 2006–2007 гг., напротив, характеризуется существенным ростом закредитованности реального сектора экономики и достижением паритета средневзвешенных ставок по предоставленным нефинансовым организациям кредитам и рентабельности вложений в

производственные активы. При этом снижение ставок коснулось и сектора домашних хозяйств, что наряду с низким уровнем инфляции стимулировало платежеспособный спрос, а также создавало условия экономической стабильности и уверенность в будущем развитии России вплоть до мирового финансового кризиса 2008 г.

Начиная с 1998 г. объем иностранных инвестиций в долларовом выражении постоянно растет (см. рис. 7).

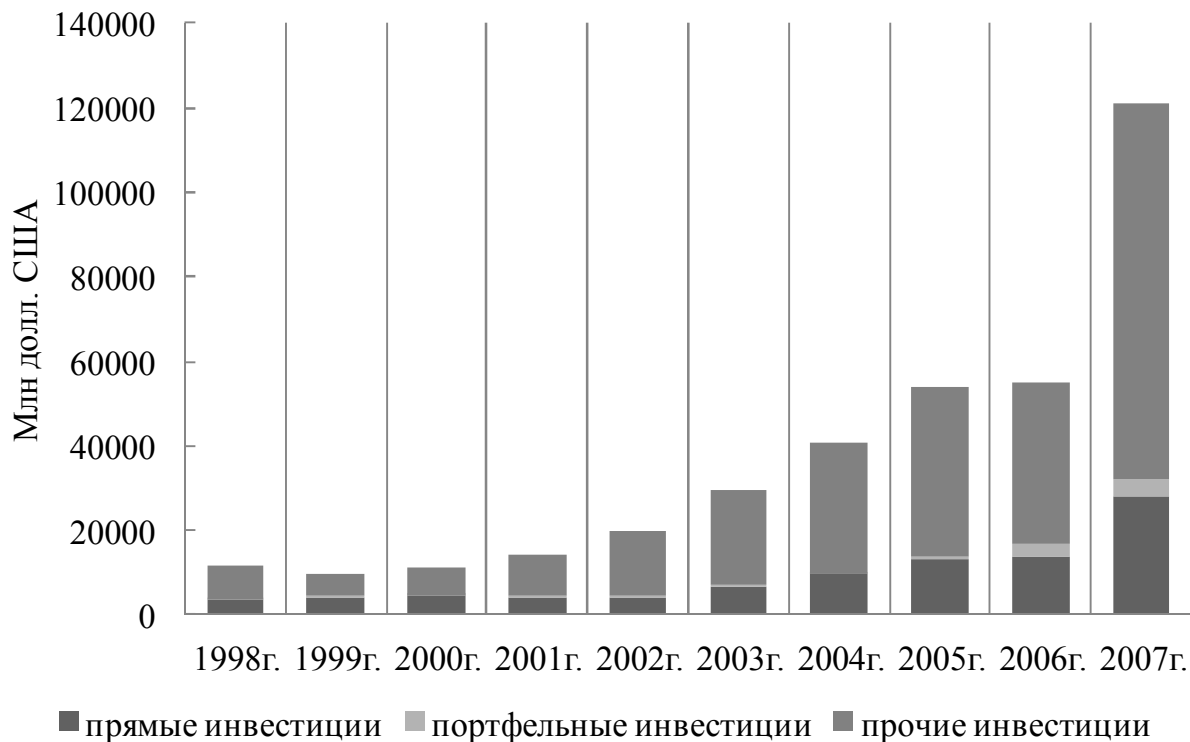

Рис. 7. Динамика объемов иностранных инвестиций по видам инвестирования в миллионах долларов США

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Однако в общем объеме инвестиций доля иностранных инвестиций снижается, эффект девальвации национальной валюты в значительной степени компенсируется за счет высоких показателей индекса инфляции и прироста объемов внутренних инвестиций. Так, при средневзвешенном курсе доллара США 9.6 руб. в 1998 г. доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций составляла 62.08 %; при курсе 24.62 руб. в 1999 г. – 30.36 %; 28.14 руб. в 2000 г. – 24.77 %; 29.17 руб. в 2001 г. – 17.12 %; 31.35 руб. в 2002 г. – 29.65 %; 30.69 руб. в 2003 г. – 26.88 %; 28.81 руб. в 2004 г. – 23.98 %; 28.30 руб. в 2005 г. – 16.49 %; 27.17 руб. в 2006 г. – 10.40 %; 25.58 руб. в 2007 г. – 16.47 %. Таким образом, нет оснований полагать, что иностранные инвестиции сыграли значительную роль в восстановлении российской экономики.

3. Основные реформы налоговой системы России в период 2001–2005 гг.

В период 2001–2005 гг. налоговая система России стимулировала деловую активность. Начатый в 1999 г. процесс кодификации налоговых норм способствовал снижению числа квазиналогов и сделал налоговое законодательство более понятным. Снижение ставок налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость способствовало росту инвестиций и потребления. Реформы налога на доходы физических лиц, единого социального налога

и квазиналогов позволили за счет перенесения налоговой нагрузки на «бедных» граждан повысить уровень благосостояния «богатых» граждан. Так с 1 января 2001 г. вступившей в силу 23 главой Налогового кодекса Российской Федерации был введен ряд налоговых вычетов и вместо 3-х ранее действующих налоговых ставок была введена единая ставка налога на доходы физических лиц в 13 %. Однако рост минимальной налоговой ставки с 12 % до 13 % не был столь существенным, как снижение налоговой нагрузки для лиц, чьи доходы до перехода к единой ставке налога на доходы физических лиц облагались по ставкам 20 % и 30 %. Кроме того, с 1 января 2001 г. часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации была дополнена главой 24 «Единый социальный налог». Основная особенность единого социального налога заключается в том, что в отличие от действующей до его принятия системы взносов в государственные социальные внебюджетные фонды (пенсионный фонд, фонд государственного социального страхования, фонд занятости населения Российской Федерации и фонды (федеральный и местные) обязательного медицинского страхования Российской Федерации), исчислявшихся пропорционально полученным за соответствующий период доходам, единый социальный налог имел регрессивную систему ставок. При этом источником уплаты единого социального налога являются расходы, уменьшающие доходы от реализации по налогу на прибыль организаций. В результате положительным эффектом данной меры является то, что сокрытие части облагаемых доходов стало менее выгодным для работодателя. Поэтому введение единого социального налога должно было способствовать легализации налоговой базы. Эффект внедрения регрессивной шкалы ставок единого социального налога был усилен за счет введения Федеральным законом Российской Федерации от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» регрессивной шкалы ставок взносов на обязательное пенсионное страхование, которая в период 2001–2007 гг. предусматривала для большинства плательщиков следующие совокупные ставки: для доходов менее 100 тыс. руб. – 14 %; до 300 тыс. руб. – 8 %; до 600 тыс. руб. – 4 %. Тогда как с доходов свыше 600 тыс. руб. уплачивалась фиксированная сумма взносов в размере 41650 руб. Таким образом, для доходов, превышающих 600 тыс. руб., размер взносов не зависел от их величины, а если учесть темп роста инфляции, то стоимость данного взноса постоянно снижалась (см. табл. 1).

Таблица 1. Расчет удешевления стоимости вносимых страхователями взносов в Пенсионный фонд России с доходов, превышающих 600 тыс. руб. в 2002–2007 гг.

Показатель	Годы					
	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Индекс роста цен на товары и услуги	115.1	112.0	111.7	110.9	109.0	111.9
Реальная стоимость взносов (к 2001 г.)	84.90 %	74.71 %	65.97 %	58.78 %	53.49 %	47.12 %

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

По своей сути взносы на обязательное пенсионное страхование являются квазиналогом. За исключением вычитаемой из исчисленной к уплате в федеральный бюджет суммы единого социального налога части взносов на обязательное пенсионное страхование, источником уплаты взносов на обязательное пенсионное страхование являются расходы, уменьшающие доходы от реализации по налогу на прибыль организаций. В результате общий эффект от регрессивной зависимости бремени единого социального налога и взносов на обязательное пенсионное страхование наряду с переходом к единой ставке налога на доходы физических лиц должен был стать мощным стимулом к отказу от сокрытия налоговых баз вышеуказанных налогов и взносов. С 1 января 2002 г. вступившим в силу Федеральным законом от 06 августа 2001 г. № 110-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие акты законодательства Российской Фе-

дерации о налогах и сборах, а также о признании утратившими силу отдельных актов (положений актов) законодательства Российской Федерации о налогах и сборах» Налоговый кодекс Российской Федерации был дополнен главой 25 «Налог на прибыль организаций», в соответствии с которой была снижена ставка налога на прибыль организаций с 35 % до 24 %. Такое значительное снижение ставки налога на прибыль организаций должно было существенно повысить объем собственных средств организаций. В результате с 1 января 2002 г. существенно увеличиваются возможности организаций для создания резервов под предстоящие инвестиции. Возможно именно снижение на более чем 45 % общей ставки налога на прибыль организаций в значительной степени объясняет вторую волну прироста объема инвестиций в 2003 г., так как в этот период, несмотря на сближение уровней средневзвешенных ставок по предоставленным нефинансовым организациям кредитам и уровня рентабельности инвестиций в производственные активы в структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал, удельный вес выданных нефинансовым организациям кредитов существенно ниже объемов собственных средств нефинансовых организаций. С 1 января 2003 г. часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации была дополнена главами 26.1–26.3, предусматривающими специальные налоговые режимы в виде единого сельскохозяйственного налога, упрощенной системы налогообложения, единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности. Данные законодательные новеллы были ориентированы на малый бизнес. Однако нельзя однозначно квалифицировать их совокупный эффект для малого бизнеса, так как если упрощенная система налогообложения и единый сельскохозяйственный налог предполагают установление льготных условий налогообложения для малого бизнеса, то мотивацией принятия единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности была необходимость налогообложения «теневых» доходов в отдельных видах деятельности, в основном в области розничной торговли и оказания услуг населению. Таким образом, введение единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности компенсировало «узкие места» налогового контроля. Однако в целом можно сказать, что налоговая система России в 2003 г. также была благоприятной для ведения бизнеса вне зависимости от его размеров. С 1 января 2004 г. в соответствии со статьей 4 Федерального Закона от 27.11.2001 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 20 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и пунктом 11 статьи 1 Федерального Закона от 07.07.2003 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» были отменены соответственно налог с продаж и снижена ставка налога на добавленную стоимость с 20 % до 18 %. Таким образом, если предположить, что производители благ при ценообразовании учитывали эластичность спроса на эти блага, то такое снижение налогового бремени должно было существенно увеличить как прибыль реального сектора экономики, так и потребление домашних хозяйств.

С 1 января 2005 г. были существенно снижены ставки единого социального налога. Так, базовая ставка была снижена с 35,6 % до 26 % (табл. 2).

Таблица 2. Ставки единого социального налога до и после 2005 г.

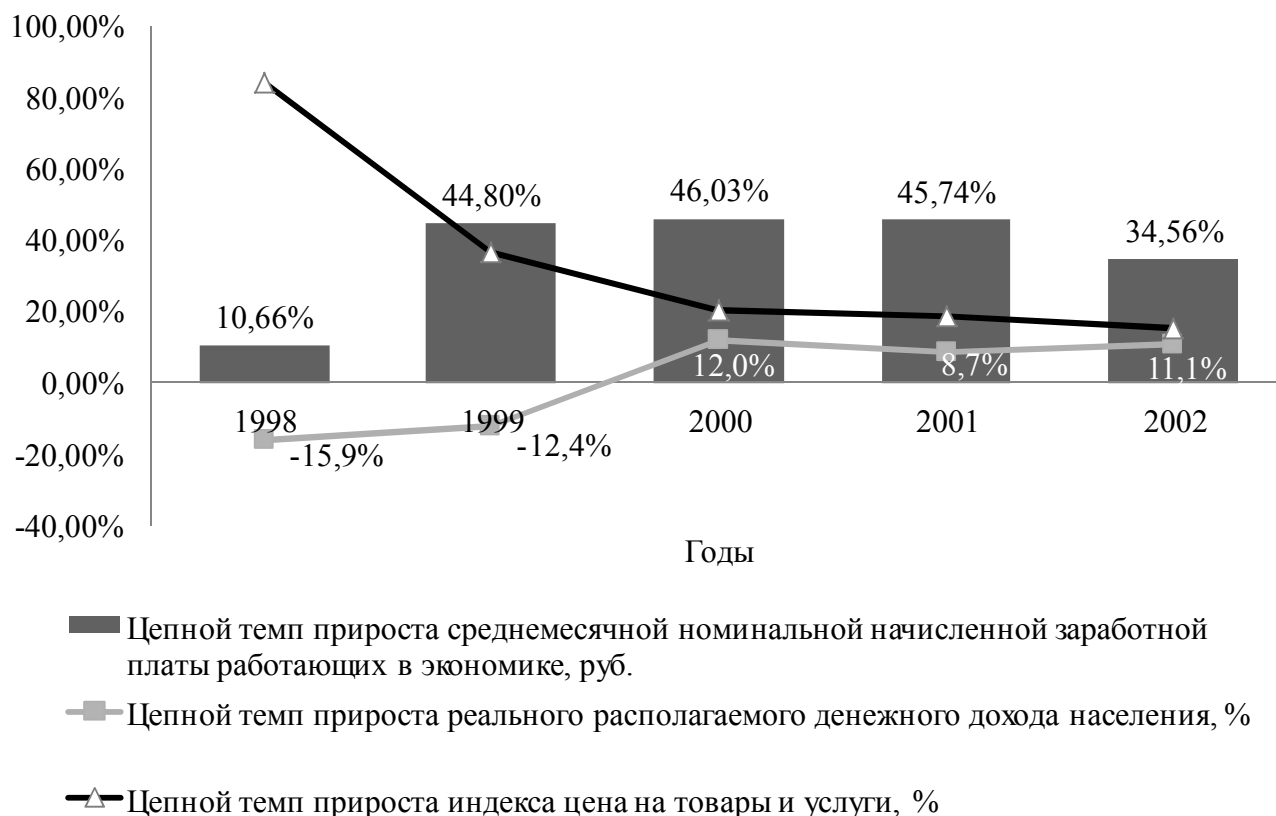
Императивные границы регрессивной шкалы ставок налога	до 2005 г.	с 2005 г.
до 100 тыс. руб.	35.6 %	26 %
до 300 тыс. руб.	20 %	
до 600 тыс. руб.	10 %	
свыше 600 тыс. руб.	2 %	

Источник: составлено автором согласно Федеральному закону от 20.07.2004 г. № 70-ФЗ «О внесении изменений в главу 24 части второй Налогового кодекса Российской Федерации, Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»».

Однако в период 2004–2005 гг. не наблюдается значительного прироста инвестиций. Следующий пик прироста инвестиций в основные производственные фонды приходится на 2006 г. Безусловно, совокупное воздействие всех произошедших в 2001–2005 гг. изменений налогового законодательства России положительно повлияло и на достижение пиковых значений прироста инвестиций 2006 г. Однако наиболее очевидно, что в 2006 г. из всех статистически наблюдаемых факторов сравнительно большого прироста инвестиций в основные производственные фонды самым значимым фактором является снижение кредитной ставки для реального сектора экономики. Так, помимо роста в структуре источников финансирования инвестиций в основные производственные фонды кредитных средств возрастает и доля прочих источников инвестиций. Таким образом, в 2006 г. снижается удельный вес собственных средств в структуре источников вложений в основные производственные фонды. При этом рост доли прочих источников инвестиций может быть объяснен увеличением взносов организаций в уставный капитал дочерних организаций, объемов приобретаемого имущества в лизинг, товарных кредитов, доходов от эмиссии ценных бумаг и т.д. Все вышеперечисленные факторы роста доли прочих источников инвестиций в той или иной степени зависят от уровня кредитных ставок. Если лизинг и товарные кредиты зависят от величины кредитных ставок напрямую, то увеличение взносов в уставный капитал может являться следствием замещения кредитными средствами других статей затрат, а доходы от эмиссии ценных бумаг связаны с объемом кредитования покупателей. Об этом может свидетельствовать и рост в 2006 г. общих объемов выданных кредитов по сравнению с прошлым годом на 42.05 % – с 4373 до 6212 миллиардов рублей.

4. Оценка регулирующего воздействия налоговых реформ 2001–2005 гг.

В результате перехода к единой ставке налога на доходы физических лиц и введения регрессивных шкал ставок единого социального налога и взносов в пенсионный фонд России должны были обеспечить за счет выхода из тени «крупных» доходов более значительный, чем это обусловлено соответствующей посткризисной восстановительной волной, рост статистически-наблюдаемых показателей: доли наиболее обеспеченного населения в общей структуре распределения населения по уровням среднедушевых доходов, номинальной заработной платы, числа занятых в национальной экономике. В методологии оценки прогрессивности шкал ставок налога на доходы физических лиц часто можно встретить использование индексов Ричарда Масгрейва и Нанакома Каквани. Расчет индекса Масгрейва предполагает определение отношения индекса Джини, рассчитанного на основании данных о доходах до и после налогообложения [2]. Индекс Каквани определяется как разница между степенью неравномерности распределения налогового бремени (определяемой аналогично кривой Лоренца) и коэффициентом Джини [3]. Таким образом, в оценке эффективности налогообложения использование коэффициента Джини получило широкое распространение. Однако для оценки эффекта статистически наблюдаемого роста социальной стратификации может быть использована динамика коэффициента фондов, так как при легализации «крупных» доходов должна расти и наблюдаемая посредством коэффициента фондов социальная стратификация населения. Однако по данным Федеральной службы государственной статистики России коэффициент фондов составил: в 1998 г. – 13.8; в 1999 г. – 14.1; в 2000 г. – 13.9; в 2001 и 2002 гг. – 14.0. Таким образом, если учесть, что величина коэффициента фондов в период 1998–2000 гг. колебалась примерно на ± 0.2 пункта, то нет оснований утверждать, что переход к единой ставке налога на доходы физических лиц и другие налоговые реформы в значительной степени повлияли на статистически наблюдаемый уровень социальной стратификации населения по уровням среднедушевых доходов. Также в период 2001–2002 гг. не наблюдается значительного прироста размера средней начисленной по национальной экономике номинальной заработной платы (см. рис. 8).

- Цепной темп прироста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работающих в экономике, руб.
- Цепной темп прироста реального располагаемого денежного дохода населения, %
- △ Цепной темп прироста индекса цена на товары и услуги, %

Рис. 8. Динамика доходов населения и индекса цен на товары и услуги в период 1998–2002 гг.

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Наблюдаемое в 2001 г. снижение темпа прироста уровня реального располагаемого дохода населения и номинальной заработной платы может являться следствием как эффекта повышения налоговой нагрузки на минимальные доходы, так и затуханием первой восстановительной волны посткризисного экономического роста. В случае же возникновения ожидаемого эффекта выхода из тени крупных доходов темп прироста реального располагаемого дохода населения и номинальных заработных плат должен был быть существенно выше. Также в исследуемом периоде не наблюдается ожидаемого от налоговых реформ роста статистического показателя численности занятых в национальной экономике (см. рис. 9).

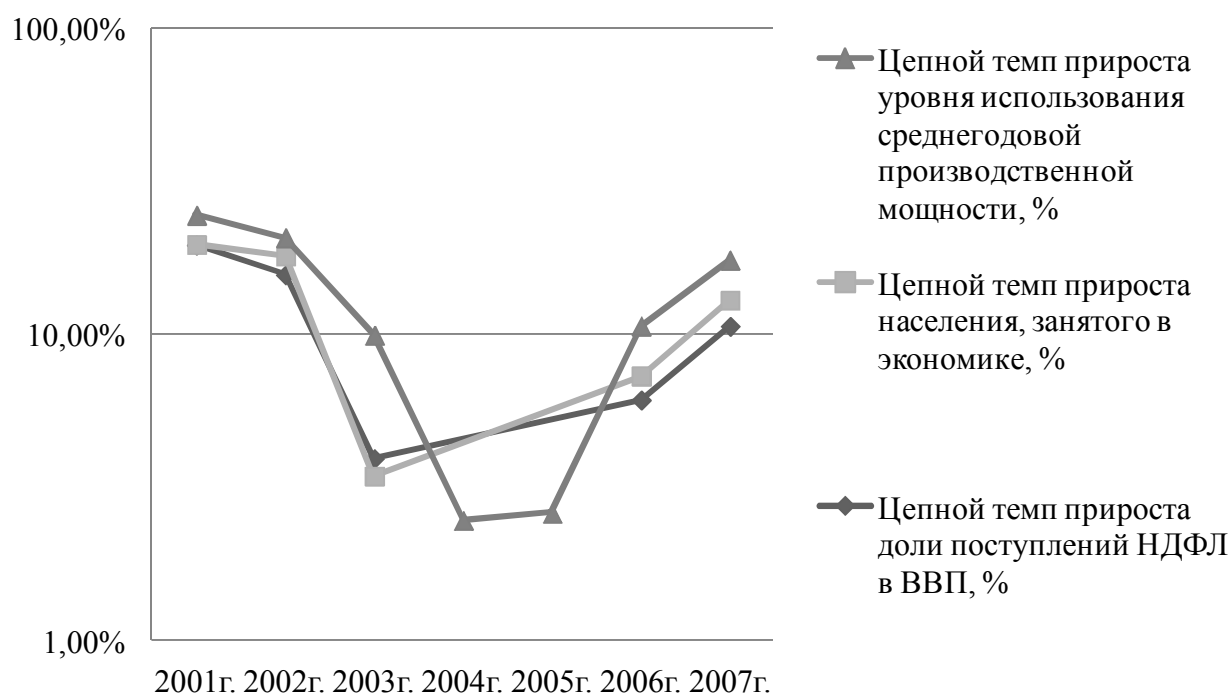

Рис. 9. Динамика некоторых основных показателей экономики России в период 2001–2007 гг. (логарифмическая шкала)

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики России.

Из рис. 9 видно, что динамика прироста доли поступлений налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в структуре валового продукта в значительной степени подчинена основным показателям выпуска продукции: темпам прироста доли занятых в экономике и использования среднегодовой производственной мощности. Так, рассчитанный за период 2001–2007 гг. по данным о динамике доли поступлений налога на доходы физических лиц в структуре валового внутреннего продукта и доли занятого в экономике населения трудоспособного возраста коэффициент корреляции Пирсона показал слабую прямую зависимость (0.23). В случае же вызванного легализацией теневых доходов роста поступлений налога на доходы физических лиц в 2001 г. значение темпа прироста доли поступлений налога на доходы физических лиц в структуре валового внутреннего продукта должно было существенно превысить значение, обусловленное темпом прироста доли используемых производственных мощностей. Существенным моментом является также то, что в 2001 г. в состав налоговой базы налога на доходы физических лиц были включены доходы военнослужащих. Таким образом, даже если утверждать, что в 2001 г. наблюдалось некоторое превышение поступлений налога на доходы физических лиц сверх обеспеченного ростом занятости и номинальной заработной платы, то такое превышение может быть объяснено расширением перечня налогоплательщиков налога на доходы физических лиц.

Вместе с тем, если в ходе настоящего исследования не выявлено вызванного переходом к единой ставке налога на доходы физических лиц снижения издержек стимулов получения необоснованной налоговой выгоды, те социальные диспропорции, которые создаёт действующая с 2001 г. модель налогообложения доходов физических лиц, требуют скорейшего вмешательства, так как она не только не выполняет социальную функцию [4,5], но и, наоборот, стимулирует рост социальной стратификации населения, так как некоторые налоговые вычеты, такие как на лечение, образование и др., доступны только финансово-обеспеченным

гражданам[6]. В результате нельзя не согласиться с Н. Л. Казначеевой, что цена рыночных реорганизаций оказалась для нашего общества слишком высокой. Негативные последствия происходящих преобразований очевидны. Положительные же результаты как для страны в целом, так и для большинства населения представляются только в перспективе, да и то весьма сомнительными [7].

5. Заключение

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что несмотря на наличие высокого уровня уклонения от уплаты походящего налога в России, который признается многими учеными и экономистами, в том числе академиками А. Д. Некипеловым, В. В. Ивантером, С. Ю. Глазьевым [8], снижение налоговой нагрузки на недобросовестных налогоплательщиков нельзя назвать панацеей. Высказанные В. А. Бабенковой [9], И. В. Мамоновой, А. С. Алениковым [10], О. Н. Чернышовой, Н. М. Турбиной [11] и некоторыми другими авторами предположения о том, что эффектом от перехода к прогрессивной шкале ставок налога на доходы физических лиц будет являться рост числа схем получения необоснованной налоговой выгоды, не нашли своего подтверждения в рамках настоящего эмпирического исследования. На мой взгляд, в противовес доводам тех, кто считает, что рост налогового бремени налога на доходы физических лиц является мощным стимулом к размыванию налоговой базы и уклонению от уплаты походящего налога, можно противопоставить правдоподобный тезис К. В. Новоселова, который звучит следующим образом: «желание максимизировать свои доходы путем уклонения от уплаты налогов свойственно значительной части участников современных рыночных отношений» [12]. Даже самое низкое налоговое бремя является менее предпочтительным для налогоплательщика, чем полное освобождения от налогообложения. При этом действующая в России парадигма австрийской экономической школы не приемлема для демократического социального правового государства. Ведь как справедливо утверждают Ю. С. Арляпова, Н. И. Синегубко, несмотря на утверждение сторонников плоской шкалы налогообложения о равенстве условий, в которых находятся налогоплательщики при действующей системе налогообложения, если рассматривать финансовый результат, то становится очевидным, что чем ниже уровень среднестатистических доходов, тем существеннее влияние налогового бремени на потребление граждан [13]. Если же попытаться оправдать такое неравенство с точки зрения описанного А. И. Майбуровым эффекта замещения [14], то встает совершенно закономерный вопрос о соотношении мотивации и оплаты труда. По данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения только 18 % респондентов утверждают, что высокий размер оплаты труда положительно влияет на рост производительности труда [15]. При этом, если учесть особенности российского менталитета [16,17], то утопичность ожиданий появления в России социально-ориентированного бизнеса становится очевидной. Необходимы комплексные преобразования налога на доходы физических лиц и, в частности, внедрение прогрессивной шкалы налоговых ставок. Несмотря на субъективность вопросов справедливости в налоговой сфере, по моему мнению, социальная функция должна быть поставлена выше вопросов формальной справедливости, а приведенным в настоящей работе исследованием не выявлено значительных логически ожидаемых позитивных социально-экономических эффектов от перехода к единой ставке налога на доходы физических лиц и внедрения регрессивной шкалы ставок единого социального налога и взносов в Пенсионный фонд России. В результате есть основания отказаться от существующей парадигмы налогообложения доходов физических лиц. Пересмотр шкалы ставок налога на доходы физических лиц позволил бы защитить малоимущих граждан и одновременно снизить уровень социальной стратификации без ущерба для фискальных интересов государства.

Литература

1. Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс]/ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения 05.03.2015).
2. *Musgrave, R. A. and T. Thin* (1948) Income tax progression, 1929-1948, *Journal of Political Economy*, 56, – P.556, pp.498–514.
3. *Kakwani, N. C.* (1977). Measurement of Tax Progressivity: An International Comparison *Economic Journal*, 87, pp.71–80.
4. *Гринкевич Л. С.* Налоговая политика Российской Федерации на современном этапе/ Траектории реформирования российской экономики. / Вестник Томского государственного университета. Томск, 16-22 октября 2013.
5. *Гринкевич Л. С.* «Налоговый манёвр», деофшоризация экономики и другие направления современной налоговой политики России / Вестник Томского государственного университета. Экономика. Томск. 2015. № 1(29) – С.201, с.138–150.
6. *Казаков В. В.* Предложения по совершенствованию налогообложения физических лиц в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта / Вестник Томского государственного университета. 2007. Томск. № 302 – С.233, с.152–155.
7. *Казначеева Н. Л.* Кризис труда и капитала: проявление и преодоление / Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2007. № 1.– С. 23–34.
8. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / Под общ. ред. Некипелова А. Д., Ивантера В. В., Глазьева С. Ю. Издательство: М.: РАН. 2013. – С.93.
9. *Бабенкова В. А.* Сравнительный анализ налогообложения доходов физических лиц в России и Германии / Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Ростов. № 9-2. 2015. – С.119–121.
10. *Мамонова И. В., Алеников А. С.* Влияние подоходного пропорционального налогообложения на предложение труда / Дайджест-финансы. Москва. 2011. № 5. – С.15–19.
11. *Чернышова О. Н., Турбина Н. М.* Совершенствование администрирования доходов местных бюджетов / Социально-экономические явления и процессы. Тамбов. 2011. № 10 (32). – С.228–233.
12. *Новоселов К. В.* Налоговый контроль как фактор экономической безопасности государства/ Инновационное развитие экономики. Йошкар-Ола. 2014. № 6-1(23). – С.17–20.
13. *Арляпова Ю. С., Синегубко Н. И.* Основные проблемы реформирования шкалы налогообложения доходов физических лиц / Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Магнитогорск. Т.2. № 70. 2012. – С. 309–312.
14. *Майбуров А. И.* Возможности теоретического анализа влияния налогообложения на предложение труда / Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. Екатеринбург. 2007. № 3. – С.30–38.
15. Распределение доходов в обществе: государственное регулирование или рыночный механизм. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс] / Пресс-выпуск № 2772, Москва, 11 февраля 2015 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115143> (дата обращения 25.06.2015).
16. *Казначеева Н. Л.* Особенности экономического кризиса в России: откуда, куда и как / Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2009. № 3 (7). С. 23–35.
17. *Нехода Е. В.* Социальные функции бизнеса и предпосылки формирования социального капитала / Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 3. С. 33–44.

Статья поступила в редакцию 17.04.2015;
переработанный вариант — 06.07.2015

Лапов Дмитрий Евгеньевич

аспирант кафедры экономической теории СибГУТИ (630102, Новосибирск, ул. Кирова, 86) тел. (383) 269-82-84, e-mail: taxation_consultant@mail.ru

Tax system reforms in Russia 2001–2005**D. Lapov**

In this article, the most significant novels of tax system reforms in Russia 2001-2005 are considered. Its content allows us to claim that for the entire period of functioning of modern tax system in Russia these reforms most of all affected tax burden of household. The very paradigm of taxation and quasi-taxation of personal income has changed which was to promote the fastest recovery of the Russian economy, but in practice didn't have a positive impact on the national economy and led to ambiguous social consequences.

Keywords: personal income tax, income tax, regressive tax, rate, tax system, progressive taxation.